

ЖАН ДЕ ЛАБРЮЙЕР

*ХАРАКТЕРЫ, ИЛИ НРАВЫ
НЫНЕШНЕГО ВЕКА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-34
ББК 84(4Фра)-44
Л12

Серия «Эксклюзивная классика»
Перевод с французского *Ю. Б. Корнеева* и *Э. Л. Линецкой*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Лабрюйер, Жан де.

Л12 **Характеры, или Нравы нынешнего века / Жан де Лабрюйер ; [перевод с французского Ю. Б. Корнеева, Э. Л. Линецкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Эксклюзивная классика).**

ISBN 978-5-17-185791-2

«Характеры, или Нравы нынешнего века» — это собрание эпиграмм, размышлений и портретов, которое Лабрюйер составлял на протяжении своей жизни в попытках разобраться в общественных нравах эпохи и обратить внимание современников на их «сделанные с натуры» недостатки. Описания Лабрюйера до сих пор поражают точностью и реалистичностью, но при этом автор пишет простым, поэтичным и остроумным языком. Заметки сопровождаются чередой изящных анекдотов, ярких высказываний и метких афоризмов, которые не утратили актуальности и спустя три с лишним столетия с момента написания.

Печатается по изданию: Жан де Лабрюйер. Характеры, или Нравы нынешнего века / пер. с франц. Э. Линецкой и Ю. Корнеева. — Издательство «Художественная литература», Москва — Ленинград, 1964.

УДК 821.133.1-34
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-185791-2

© Перевод. Корнеев Ю. Б.,
наследники, 2026
© Перевод. Линецкая Э. Л.,
наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Admonere volumus, non mordere;
prodesse, non laedere; consulere
moribus hominum, non officere.*

Erasme¹

Предисловие

Я возвращаю публике свой долг: ей обязан я тем, что составляет предмет этой книги, я занимался им со всей заботой о правдивости, доступной мне и достойной его, стараясь ни в чем не погрешить против истины, и теперь, окончив свой труд, считаю справедливым отдать его читателям. Если, взглядываясь на досуге в этот портрет, сделанный с натуры, они найдут у себя недостатки, изображенные мною, пусть исправят их: это единственная цель, которую должен ставить себе каждый автор, и главная награда, о которой он смеет мечтать. Именно потому, что люди так упорствуют в своей приверженности к пороку, их с особенным упорством следует корить за это: они, возможно, стали бы еще хуже, не будь у них строгих судей и критиков — тех, что произносят проповеди и пишут книги. Проповедники и писатели не могут не радоваться рукоплесканиям, но они должны были бы сгореть со стыда, если бы своими речами и сочинениями стремились только стяжать похвалы,

¹ Мы намеревались предупредить, но не обидеть, принести пользу, но не ранить, улучшить нравы людей, но не оскорбить человека. *Эразм (лат.)*.

тем более что нет и не может быть для них награды более высокой и бесспорной, чем перемена в нравах и образе жизни их читателей и слушателей. Говорить и писать стоит только ради просвещения людей; однако пусть не угрызаются совестью те, кому случится при этом доставить публике и удовольствие, при том условии, конечно, что оно поможет ей лучше понять и усвоить полезные истины. Но если в книгу или проповедь вкрались мысли и рассуждения, не отмеченные живостью, изяществом и остротой, лишенные вдобавок здравого смысла, ясности, поучительности и недоступные человеку необразованному, о котором тоже ни в коем случае нельзя забывать, то, будь они даже введены для разнообразия, для того, чтобы дать отдых вниманию, перед тем как вновь сосредоточить его, — все равно читатель должен осудить их, а сочинитель — вычеркнуть: вот первый закон, сообразно которому следует судить мой труд. Но это еще не все: мне очень важно, чтобы читатели не упускали из виду заглавия моей книги и до последней страницы помнили, что я описываю в ней характеры и нравы, свойственные нашему веку, ибо хотя я часто черпаю примеры из жизни французского королевского двора и говорю о своих современниках, однако нельзя свести содержание моего труда к одному королевскому двору и к одной стране: это сразу сузит его, сделает менее полезным, исказит замысел, состоящий в том, чтобы изобразить людей вообще, нарушит внутреннюю логику, которая определяет не только порядок глав, но и последовательность рассуждений внутри каждой главы. Сделав эту столь существенную оговорку, из которой вытекают немаловажные следствия, я беру на себя смелость

не принимать в расчет никаких обид и жалоб, никаких недоброжелательных толкований, неуместных догадок и необоснованной хулы, глупых насмешек и злонамеренных кривотолков. Читая книгу, нужно вникать в ее смысл, а прочитав, либо промолчать, либо рассказать о прочитанном. Но только о прочитанном — не больше и не меньше. Впрочем, одного разумения для этого недостаточно: нужно еще и желание. Таково условие, которое должен ставить иным читателям совестливый и взыскательный автор в качестве единственного вознаграждения за свой труд; иначе ему лучше вообще прекратить писание, если, конечно, собственным спокойствием он дорожит больше, чем служением истине и пользой, которую кто-нибудь все же извлечет из его книги. Сознаюсь, что начиная с 1690 года, перед выходом пятого издания моего труда, я колебался между стремлением добавить к нему новые характеры и тем придать ему большую полноту и завершенность и боязнию услышать упрек: «Неужели эти „Характеры“ будут печататься вечно и автор не даст нам ничего нового?» Иные люди, весьма сведущие и разумные, говорили мне: «Предмет вашей книги важен, поучителен, приятен и неистощим; живите долго и, пока длится ваша жизнь, не прерывайте работы над ним. Лучшей темы вам не найти: человеческое безумство таково, что оно ежегодно будет доставлять вам материала на целый том». Другие вполне основательно предостерегали меня против непостоянства толпы и легкомыслия публики, хотя до сих пор у меня были основания только благодарить ее. Они не уставали повторять, что вот уже тридцать лет, как люди читают лишь забавы ради, поэтому им нужны не столько

новые главы, сколько новые заглавия; что из-за этой умственной лени свет наводнен и лавки забиты книгами скучными, бездарными и пустыми, противными поэтическим правилам, хорошему вкусу, благопристойности и морали, торопливо и дурным слогом написанными и столь же торопливо прочитанными, — да и то лишь благодаря их новизне; что если я способен только увеличивать в объеме одну-единственную книгу, пусть даже сносную, то уж лучше мне положить перо. Я согласился отчасти и с теми и с другими и принял примирительное решение: не колеблясь, добавил некоторые параграфы к тем, которые уже вдвое увеличили книгу против ее первого издания, но, чтобы публике не перечитывать старое, прежде чем она доберется до нового, и чтобы легче было найти нужное место, я озаботился отметить последние добавления особым значком; я счел также нелишним указать добавление к первому изданию более простым значком; эти значки, по которым можно проследить, как развивался мой труд, должны облегчить его чтение. Заранее желая успокоить тех, кому покажется, что вставкам никогда не будет конца, я к вышеупомянутым значкам присовокупляю обещание ничего подобного больше не делать. Если же кто-нибудь обвинит меня в нарушении слова на том основании, что в три последующих издания включено довольно много новых параграфов, я попрошу этого читателя поверить мне, что, перемешивая их со старыми и уничтожая разделительные значки, я не старался принудить людей перечитывать уже известные им места; просто мне хотелось оставить потомкам более полное, законченное и, быть может, более совершенное произведение о совре-

менных нравах. Нужно сказать еще, что я отнюдь не задавался целью написать книгу максим: максимы в науке о морали подобны законам, а у меня слишком мало власти, да и таланта, чтобы выступать в качестве законодателя. Притом они, на манер изречений оракула, должны быть сжатыми и короткими, я же нередко грешил против этого правила. Иные мои размышления действительно коротки, другие более пространны; о разных вещах думаешь по-разному, поэтому и выражаешь их по-разному: сентенцией, рассуждением, метафорой или иным тропом, сопоставлением, простой аналогией, рассказом о каком-либо событии или об одной из его подробностей, описанием, картиной; отсюда и вытекает длина или краткость моих размышлений. Тот, кто пишет максимы, хочет, чтоб ему во всем верили; я же, напротив, согласен выслушать упрек в том, что иногда ошибался в своих наблюдениях, лишь бы это помогло другим не делать таких же ошибок.

Глава I

О творениях человеческого разума

1

Все давно сказано, и мы опоздали родиться, ибо уже более семи тысяч лет на земле живут и мыслят люди. Урожай самых мудрых и прекрасных наблюдений над человеческими нравами снят, и нам остается лишь подбирать колосья, оставленные древними философами и мудрейшими из наших современников.

2

Пусть каждый старается думать и говорить разумно, но откажется от попыток убедить других в непогрешимости своих вкусов и чувств: это слишком трудная затея.

3

Писатель должен быть таким же мастером своего дела, как, скажем, часовщик. Одним умом тут не обойтись. Некий судья отличался незаурядными достоинствами, был и проницателен, и опытен, но напечатал книгу о морали — и она оказалась редкостным собранием благоглупостей.

4

Труднее составить себе имя превосходным сочинением, нежели прославить сочинение посредственное, если имя уже создано.

5

Мы приходим в восторг от самых посредственных сатирических или разоблачительных сочинений, если получаем их в рукописи, из-под полы и с условием вернуть их таким же способом; настоящий пробный камень — это печатный станок.

6

Если из иных сочинений о морали исключить обращение к читателям, посвятельное послание, предисловие, оглавление и похвальные отзывы, останется так мало страниц, что вряд ли они могли бы составить книгу.

7

Есть области, в которых посредственность невыносима: поэзия, музыка, живопись, ораторское искусство.

Какая попытка слушать, как оратор напыщенно произносит скучную речь или плохой поэт с пафосом читает посредственные стихи!

8

Иные сочинители трагедий страдают пристрастием к стихотворным тирадам, на первый взгляд сильным, благородным, исполненным высоких чувств, а в сущности, просто длинным и напыщенным. Все

жадно слушают, закатив глаза и открыв рот, воображая, будто им это нравится, и чем меньше понимают, тем больше восхищаются; от восторгов и рукоплесканий людям некогда перевести дух. Когда я был еще совсем молод, мне казалось, что эти стихи ясны и понятны актерам, партеру, амфитеатру, а главное — их авторам и что если я при всем старании не способен их уразуметь, значит, я сам и виноват; с тех пор я изменил свое мнение.

9

Пока еще никто не видел великого произведения, сочиненного совместно несколькими писателями: Гомер сочинил «Илиаду», Вергилий — «Энеиду», Тит Ливий — «Декады», а римский оратор — свои речи.

10

В искусстве есть некий предел совершенства, как в природе — предел благорастворенности и зрелости. У того, кто чувствует и любит такое искусство, — превосходный вкус; у того, кто не чувствует его и любит все стоящее выше или ниже, — вкус испорченный; следовательно, вкусы бывают хорошие и дурные, и люди правы, когда спорят о них.

11

Люди часто руководствуются не столько вкусом, сколько пристрастием; иначе говоря, на свете мало людей, наделенных не только умом, но сверх того еще верным вкусом и способностью к справедливым суждениям.

12

Жизнь героев обогатила историю, а история украсила подвиги героев; поэтому я затрудняюсь сказать, кто кому больше обязан: пишущие историю — тем, кто одарил их столь благородным материалом, или эти великие люди — своим историкам.

13

Хвалебные эпитеты еще не составляют похвалы. Похвала требует фактов, и притом умело поданных.

14

Весь талант сочинителя состоит в умении живописать и находить точные слова. Только образы и определения ставят Моисея¹, Гомера, Платона, Вергилия и Горация выше других писателей; кто хочет писать естественно, изящно и сильно, должен всегда выражать истину.

15

В наш литературный слог пришлось ввести такие же изменения, какие были введены в архитектуру: готический стиль, навязанный зодчеству невежеством, был изгнан и заменен ордерами дорическим, ионическим и коринфским. То, что прежде мы видели только на развалинах древнегреческих и римских зданий, стало достоянием современности и украшает теперь наши портики и перистили. Точно так же, чтобы достичь совершенства в словесности и — хотя

¹ Хотя Моисей и не считается писателем. — *Прим. автора.*

это очень трудно — превзойти древних, нужно начинать с подражания им.

Сколько протекло веков, прежде чем люди прониклись вкусами древних и вернулись к простоте и естественности в науках и искусстве!

Мы питаемся тем, что нам дают писатели древности и лучшие из новых, выжимаем и вытягиваем из них все, что можем, насыщая этими соками наши собственные произведения; потом, выпустив их в свет и решив, что теперь-то мы уже научились ходить без чужой помощи, мы восстаем против наших учителей и дурно обходимся с ними, уподобляясь младенцам, которые бьют своих кормилиц, окрепнув и набравшись сил на их отличном молоке.

Некий современный сочинитель все время старается нас убедить, что древние писатели хуже новых, причем применяет два вида доказательств: рассуждение и пример. Рассуждает он, основываясь на собственном вкусе, а примеры берет из собственных произведений.

Он признает, что хотя слог у древних неровный и неправильный, все же у них есть удачные места; он приводит цитаты, и они так прекрасны, что ради них стоит прочесть даже его критику.

Иные из наших знаменитых писателей отстаивают древних, но им не очень-то доверяют: их сочинения ни в чем не отступают от вкуса античных авторов, следовательно, они как бы защищают самих себя: на этом основании их не желают слушать.

16

Сочинители должны были бы охотно читать свои труды тем просвещенным людям, которые видят все

недостатки произведения и умеют правильно его оценить.

Не слушать ничьих советов и отвергать все поправки может только педант. Сочинитель должен с одинаковой скромностью выслушивать и похвалу, и критику.

17

Среди множества выражений, передающих нашу мысль, по-настоящему удачным может быть только одно; хотя в беседе или за работой его находишь не сразу, тем не менее оно существует, а все остальные неточны и не могут удовлетворить вдумчивого человека, который хочет, чтобы его поняли.

Хороший и взыскательный автор знает, что выражение, найденное после долгих и трудных поисков, оказывается обычно самым простым, самым естественным — первым, которое безо всяких усилий должно было бы прийти в голову.

Люди, пишущие под влиянием минутной настроенности, потом много правят свои произведения. Но настроенность меняется под влиянием различных обстоятельств, и тогда эти люди охладевают к тем самым выражениям и словам, которые особенно им нравились.

18

Ясность ума, которая помогает нам писать хорошие книги, в то же время заставляет нас сомневаться, так ли уж они хороши, чтобы их стоило читать.

Сочинитель, у которого не слишком много здравого смысла, уверен, что он пишет божественно; здравомыслящий писатель надеется, что он пишет разумно.

«Мне предложили, — говорит Арист, — прочесть мои произведения Зоилу, и я согласился. Они произвели на него такое впечатление, что, растерявшись, он не только не разбранил их, но даже высказал мне несколько сдержанных похвал. С тех пор он уже никому их не хвалил, но я не в обиде на него, ибо понимаю, что большего от автора и требовать нельзя. Мне даже жаль его: ему пришлось услышать нечто хорошее и к тому же написанное не им».

Тот, кто по своему положению не знает авторского самолюбия, обычно находится во власти других страстей и стремлений, которые целиком поглощают его и делают равнодушным к замыслам других сочинителей. На свете мало людей достаточно умных, сердечных и благополучных, чтобы от души наслаждаться безупречными произведениями.

Мы так любим критиковать, что теряем способность глубоко чувствовать поистине прекрасные творения.

Многие люди, даже способные понять достоинства рукописи, которую им прочли, не решаются похвалить ее вслух, ибо не знают, какой прием она встретит, когда будет напечатана, или как ее оценят знаменитости; они не смеют высказать свое мнение, всегда стремятся быть заодно с большинством и ждут одобрительного приговора толпы. Вот тут они смело заявляют, что первыми оценили это произведение и что читатели на их стороне.

Эти люди упускают самые благоприятные случаи убедить нас в том, что они проникательны и образованны, что их суждения глубоки, что хорошее для них хорошо, а превосходное — превосходно. Им в руки попадает отличное сочинение: это первый труд автора, еще не составившего себе имени, ничем не знаменитого; следовательно, нет нужды за ним ухаживать, нет нужды восхвалять его произведения в надежде привлечь к себе внимание его покровителей. Зелоты, от вас никто не требует, чтобы вы восклицали: «Это воплощение остроумия! Какой дивный дар человечеству! Никогда еще изящная словесность не достигала таких высот! Отныне это произведение станет мерилом вкуса». Такие восторги преувеличены и неприятны, от них пахнет желанием получить пенсию и аббатство, они вредны для того, кто действительно стоит похвал и кого хотят похвалить. Но почему бы вам не сказать: «Вот хорошая книга!» Правда, вы это говорите вместе со всей Францией, со всеми чужеземцами и соотечественниками, когда книгу читает вся Европа и она переведена на несколько языков, но теперь уже поздно.

22

Иные люди, прочитав какую-нибудь книгу, приводят потом места, смысла которых они не поняли и вдобавок еще исказили, перетолковав по-своему. Они вложили в эти страницы собственные мысли, облекли их в собственные слова, испортили, обезобразили и вот выносят их на суд, утверждая, что они плохи, — и все с этим соглашаются. Но тот отрывок, который цитируют подобные критики, — вернее, полагают, что цитируют, — не становится от этого хуже.